

«Воспоминания странного человека, Андрея Белого» как дневник состояний сознания

© 2018, В.В. Петров

Аннотация: В статье рассматриваются особенности автобиографических практик Андрея Белого в «Воспоминаниях странного человека» (1918–19) и других публикациях, позднее в том или ином виде вошедших в «Записки чудака» (1922). Показано, что отличием указанных сочинений от «обычных» автобиографических и мемуарных текстов является сознательное игнорирование автором бытовых подробностей и сосредоточенность на реконструкции своих духовных странствий, на выделении и анализе экстатических моментов мистических озарений, конститутивных для процесса становления его самосознающего «Я». Это-документы при этом служат средством объективации «состояний сознания», вытеснения травматического опыта посредством его переноса из плана экзистенциальных переживаний в план речевых актов (иллокутивных или перформативных), облегчающих самоидентификацию, саморефлексию и, в конечном итоге, творческое пересоздание себя.

Ключевые слова: Андрей Белый, «Воспоминания странного человека, Андрея Белого», «Записки чудака», У. Вордсворт, spots of time, Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, платоновский анамнесис, пиковые переживания, Абрахам Маслоу, океаническое чувство, миги духовного пробуждения, телеология, В. Вундт, Р. Штейнер, внутренняя и внешняя биография, актуальное и возможное, автобиография.

Информация об авторе: Валерий Валентинович Петров, д.ф.н., г.н.с., директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, Москва, Россия. E-mail: campas.iph@gmail.com

Цитирование: *Петров В.В.* «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» как дневник состояний сознания // Литературный факт. 2018. № 10. С. 210–235.

В настоящей статье рассматривается группа текстов, отчасти автобиографических, отчасти мемуарных, отчасти художественных, которые печатались под титулами «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» (февраль-октябрь 1918), «“Я”. Эпопея. Часть I» (январь 1919), «“Я” (сумасшедшее)» (январь 1919), «Записки чудака» (январь-сентябрь 1922)¹. Если не принимать во внимание «“Я” (сумасшедшее)» — текст, стоящий особняком, — можно сказать, что речь идет о редакциях и фрагментах «Записках чудака», в отношении которых «Воспоминания» представляют собой прототекст, а «“Я”. Эпопея» — его часть.

Работа над «Записками чудака» началась в 1918 г. Особый интерес представляет репрезентация Белым поворотных моментов своей духовной жизни в наиболее ранней редакции «Записок чудака», названной «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» (далее ВСЧ). В этом прототексте Белый в отчетливой форме проговаривает вещи, которые оказались отредактированы или нивелированы до состояния неразличимости в позднейших «Записках чудака». Поэтому наше основное внимание сосредоточено на ВСЧ. Вторым по значимости текстом для нас является «“Я”. Эпопея», представляющая собой первые две трети «Записок чудака» и опубликованная за два года до выхода в свет полного текста. Текстуально между «Эпопеей» и «Записками» расхождений нет, но принципиальным является различие в титулах сочинений. Программный и концептуальный заголовок «“Я”. Эпопея» обнажает основную интенцию Белого: создать многотомное повествование о становлении собственного «Я», понимаемого как «самосознающая душа». (Этот «личностный» проект останется незавершенным, но получит продолжение в форме теоретического трактата об истории становления «общечеловеческой» самосознающей души.) Эпопея «Я» была замыслена как многотомное повествование, о чем Белый рассказывал уже осенью 1916 г. — немедленно после возвращения из Дорнаха в Россию. Сохранился фрагмент датированного 20 сентября 1916 г. письма Лидии Ивановой к Вяч. Иванову, который жил тогда в Сочи, где она упоминает о визите Андрея Белого:

Звонок, и являются Потца² и Андр. Белый. Им нужно было призываться, и они после 20-ти дней путешествия прикатили. Андрея Б. отправили в Румынию, но он в уж (?) Киеве (?) чем-то заболел, и его на время отпустили на 1 месяц, кажется, а потом отправят, если он не устроится каким-нибудь писарем или что-нибудь вроде. <...> Он <...> собирается писать 9-ти томный роман, очень интересный, судя по

¹ Указаны предполагаемые даты создания (не публикации) текстов.

² А.М. Поццо, муж Натальи Тургеневой, сестры Аси Тургеневой.

(тому,) что говорил о нем, и говорил слова, вроде Гоголя, что он изображал всё отрицательное и не давал никакого кафарсиса и по евтому (sic!) случаю хочет вернуться к своему молодому настроению и изображать положительное³.

В «“Я”. Эпопее» Белый, в частности, описывает экстатические моменты, миги духовного пробуждения, которые он переживал сначала в имении Серебряный Колодезь, а затем в Христиании, Льяне, Лейпциге и других местах. Указанные моменты имеют у Белого жесткую привязку к месту и времени, более того, эти события рождения подлинного «Я» являются порождениями конкретных места и времени.

Состояния духовного пробуждения, которые Белый описывает в эпопее «Я», имеют некоторое сходство с «местами времени» (“spots of time”), описанными у Вордсворта, который имел схожие устремления. Зимой 1798–99 гг. Вордсворт начал писать автобиографическую поэму «Прелюдия, или Возрастание ума поэта» (Prelude, or Growth of a Poet’s Mind), посвященную своим детству и юности. В начальной редакции описывались события (преимущество травматического свойства), произошедшие, когда поэту было от 5 до 12 лет (зрелище повешенного, утопленника, переживание смерти отца). Эти впечатления сопровождаются в «Прелюдии» размышлениями. Припоминание и постижение подобных формативных для духовного взросления «точек времени», по Вордсворту, сообщают «глубочайшее знание» (profoundest knowledge) настоящего, пробуждают поэтическое воображение. Вернувшись к поэме в 1804–1805 гг., Вордсворт расширил хронологический охват, добавив события, относящиеся к пребыванию в Кембридже, революционной Франции, Лондоне⁴. Относительно «мест времени» Вордсворт пишет: «В нашем бытии есть места времени, которые в своем отчетливом превосходстве обладают обновляющей силой, <...> неизъяснимым образом питающей и восстанавливающей наш ум. Сей действенный дух в основном таится в тех отрезках нашей жизни, в которых нас посещало глубочайшее ощущение того, что ум наш — господин и хозяин, а внешнее чувство — лишь покорный слуга его воли»:

There are in our existence *spots of time*,
That with distinct pre-eminence retain

³ Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 34.

⁴ *Wheeler H. The Prelude Books I and II by William Wordsworth. London, 1988. P. 8–9.*

A renovating⁵ virtue, whence <...>
<...> our minds
 Are nourished and invisibly repaired <...>
 This efficacious spirit chiefly lurks
 Among those passages of life in which
 We have had deepest feeling that the mind
 Is lord and master, and that outward sense
 Is but the obedient servant of her will⁶.

“Spots of time” Вордсворта схожи с экстатическими моментами Белого в том, что оба поэта выделяют подобные мгновения как важнейшие для своего духовного пути⁷. Однако, в отличие от Вордсворта, Белый рассматривает эти моменты не как «точки, наделенные обновляющей силой для духа, возвратившегося к ним посредством воспоминания», а как миги душевных экстазов, миги рождения самосознания, конститутивные и этапные для развития его «Я».

В ВСЧ и «“Я”. Эпопея» Белый сосредоточен не на бытописании и даже не на фиксации своей эмоционально-душевной жизни или размышлениях о прочитанных книгах, но на истории своего духовного развития и странствий. Подобный опыт зачастую принципиально не может быть выражен средствами традиционного нарратива, в виде хронологически упорядоченной последовательности событий, а потому автор прибегает к неконвенциональным формам, соединяя черты дневника, мемуаров, художественного вымысла, теоретической рефлексии и пр. В ряде случаев наиболее адекватную форму для передачи душевного смятения и жизненного кризиса Белый находит в экспрессионистских по форме фантазмагориях.

Само название «Воспоминания странного человека» концептуально: это хроника мигов духовного пробуждения. Белый понимает эти «миги» как пробуждения в «Я» воспоминаний о своей духовной прародине, о бытии «Я» еще прежде рождения в здешнем мире:

⁵ Термин “renovating” замещает “fructifying” и “vivifying” ранних редакций «Прелюдии».

⁶ *Wordsworth W.* The Prelude of 1805. Book. 11, 258–273 // *Wordsworth W.* Ed. by Stephen Gill. Oxford, 2010. P. 491; *Вордсворт У.* Прелюдия, или Становление сознания поэта. 1805 / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т. Стамова. М., 2017. С. 243–244.

⁷ *Bishop J.* Wordsworth and the “Spots of Time” // *English Literary History*. 1959. Vol. 26. № 1. P. 45–46; *Davis J.P.* “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge // *Colby Quarterly*. 1992. Vol. 28. № 2. P. 65–84; *Stoddard E.W.* The spots of time: Wordsworth’s semiology of the self // *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 1–24; *Nichols A.* The revolutionary “I”: Wordsworth and the politics of self-presentation. London, 1998.

Я мог бы отчасти лишь выразить истину происшествия, перевернувшего всё: *возвращение первых сознательных мигов, как мигов воспоминания о до-рожденной действительности* (ВСЧ <XI>, 32).

Таким образом, «воспоминания» в заглавии «Воспоминаний» нужно понимать не в обыденном смысле, но по аналогии с «анамнесисом» Платона — как моменты припоминания душой своей прежней, довременной жизни. Упав в земное бытие, душа забыла о своей истинной природе, а священные миги суть мгновения «припоминания» о духовной прародине⁸.

Миги припоминаний у Белого жестко привязаны к географическим локациям. Соответственно существительные «место» и «момент/миг» образуют устойчивую пару:

Я хочу описать одно *место*. И — один *момент* времени. Это *место* мне стало родным; я к нему иногда обращаю свой взор; воспоминание строит мне образы; вижу явственно: образы, восстающие здесь мне, из этого *места*, — значительней всех, восстававших мне в жизни. *Момент*, пережитый мной здесь, может быть, — значительнейший из *моментов*, когда-либо посланных человечеству <...>: объявление мировой, небывалой войны. *Место*, близкое мне, <...> есть холм; он зелеными склонами мягко сбегает в долину (ВСЧ I, 1).

Как уже сказано, события, которые выделяет Белый, — это не казусы внешней жизни и не приключившиеся с ним истории. Это миги внутренней жизни, мгновения духовного перерождения, которые, тем не менее, всегда четко привязаны к географическим локациям. Поскольку эти моменты отмечают «путь посвящения» (ВСЧ XIII, 40), Белый именует их «священнейшими»:

Два, три *мига* — огромны в событиях моей жизни; мне блещут, как молнии, освещая года: таким *мигом* мне помнится Берген (ВСЧ III, 6).

После *духовного перерождения* нашего, бывшего в Христианин и продолжившегося в Бергене... (ВСЧ III, 7^с).

<...> После огромных событий, свершившихся в нашей *внутренней жизни*. О событиях этих говорить очень трудно; не всё понимаю я в них; всё же я попытаюсь здесь описать их, как факты переживаний сознания; произошли они в Христианин; и — главным образом в Бер-

⁸ См.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М., 2015. С. 67–71 (раздел «Учение об “анамнесисе” как синтез платоновской и евангельской доктрин»).

гене; подготовлялись в Москве, в Монреале, в Каире; и — продолжились в Дорнахе (ВСЧ III, 9).

Пять недель протекли мимолетно. Невероятную работу тогда совершили мы с Нэлли; итоги работы нам высекли ослепительный миг христианийского цикла; душевные силы, поимые размышлением, открыли: и прогемел, нам ответствуя, Берген (ВСЧ III, 17⁹).

Воспоминания о *священнейших мигах* моих (Христиания, Берген и Дорнах) <...> После смерти моей из растресканных створок сухой оболочки (из тела) в «миры» побежит длинный стебель; и листья на нем будут мне измерением пребывания моего в сферах: Солнца, Луны и Меркурия (Записки чудака 1922, 81).

Примечательно, что Белый воспринимает эти «пиковые переживания» как «предчувствия» того, что произойдет с ним в будущем, т.е. интерпретирует их в духе высказывания П.Б. Шелли о «прошлом, отбрасывающем тени на настоящее»⁹. В то же время в перспективе этих событий он воспринимает последующие, которые телеологически и «задним числом» проясняют оставшийся в прошлом «миг». Направление равораживания событий в духовной жизни противоположно вектору времени физического мира:

Впоследствии, научившись уже различать **целесообразности** от **закона причины** и действия, вижу: **внутри моей личности**, определяемой прошлым, складывается вопреки всем причинам, <...> другая действительность, где **событие, объясняющее события биографической жизни, всегда наступает потом**; событие биографической жизни проносится *воспоминаньем* о факте, которого нет: *факт потом... наступает*, во мне объясняя всё то, что таилось вне суммы готовых предложенных мне объяснений (ВСЧ VII, 25)¹⁰.

⁹ См.: *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin.* Salerno, 2017. P. 31–33; *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 38.

¹⁰ Ср.: «В 1902 году, летом, однажды я брел по *плато*, переживал события мира: <...> Вдруг голос сказал: “Се, гряди скоро” (Откр 22:20). Тут молнией осенило меня <...>, что II-ое Пришествие уже... *начинается*. Это “*знание*” лежало под спудом десятилетие, безглагольно, безумно; <...> через 12 лет ровно: нашел я ключи объяснения этому знанию — в Кельне, на первой лекции Штейнера, куда я попал: лекция была озаглавлена: “Христос и XX век”. В 1913 году, непосредственно перед летом рождения в “Я”, мне открылись: ключ объяснения к знанию; 1902-ой год открылся во мне после лет духовного одиночества: в Кельне и в Бергене» (ВСЧ <XIV>, 41); «Если бы чувствовать «м и г и», разъединенные друг от друга годами и чрез года объясняющие себя, то мы многое бы поняли; наше грядущее, крадучись Духом к нам

Происшествия перемещения сознания, происходящие со мною повсюду, во мне отдаются, как проникающие лучи странной жизни; то жизнь моя в будущем; вот ее-то подчас переносу я в события этой жизни моей; я порою приписываю себе совершенства, которые принадлежат Человеку (Записки чудака 1922, 81).

Чтобы правильно понять то, о чем говорит здесь Белый, напомним, что, согласно Вильгельму Вундту, в материальном мире господствует механическая причинность, тогда как в мире духовном правит целесообразность, законы телеологии. В интерпретации позднейших толкователей Вундта (К. Дюпреля, Р. Штейнера) телеологическое мировое движение противонаправлено по отношению к движению причинному и происходит «в обратном порядке», из будущего в прошлое, а все реалии духовного (астрального) мира по отношению к нашему миру представляются расположенными «вверх ногами». Белый не только знал учения Вундта и Штейнера, но активно их задействовал¹¹. Таким образом, в приведенном отрывке Белый, по сути, говорит о том, что научился различать законы высшего, духовного мира, а также постулирует наличие «обратной причинности» в духовном мире личности. Более того, если разрушить навязанный материалистами взгляд на действительность, отождествляющий реальность с тем, что можно пощупать руками, можно империально распространиться за хронологические пределы своего земного существования и почувствовать два полета: «первый» полет — случившийся при вхождении души в тело (при рождении), «второй» — при котором душа покидает тело (в экстаических выхождениях):

В себе я подсматриваю: воспоминание о со мной уже бывшем полете; и этот первый полет, — я его узнаю; он — событие первых мигнов сознания: «сон» о полете «ни в чем». Я замечал в этих мигах <...> ощущение полета в *обратном порядке*; и если первый полет в воспоминании мне рисуется «выпадением» из родимой страны, то этот последний — полет возвращающий; [может] <...> рисоваться сознанию <...> «*вверх ногами*» (ВСЧ VII, 25).

Именно последовательность этих особых «мигов», собранных как звенья цепи, образует пунктир духовной жизни, слагается в подлинную историю «Я»:

в душу, свершается еще задолго до срока» (Записки чудака. Т. 1. М., Берлин: Геликон, 1922. С. 56).

¹¹ См. Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени... С. 20–29.

Связи «мигов» слагают **рост жизни души** <...> История связи мигов, подобных описанному, — ведь и есть «*биография*»; но ее вы не встретите в материале обычных биографических фактов <...> **Не история жизни моей**, что родился я на Арбате, где прожил тридцать лет, пять лет странствовал, поселился опять на Арбате, а ныне живу на Садовой; не история вовсе и то, в кого был я влюблен, с кем поссорился и кого называю своими друзьями; не история жизни моей — на меня повлиявшие книги; влияние книг — только зеркало, на которое смотрит поверхность себя отражающей жизни (ВСЧ VIII, 26).

Последняя фраза требует пояснений. Для Белого не чтение книг формирует душу, но, напротив, дух находит и подбирает тексты, которые наиболее полно могут его выразить¹²:

«Он поддался влиянию Ибсена, Ницше, Штирнера...» Одно время так думал и я, но увидел впоследствии: авторов я подбирал, точно буквы для *слова*, которое мне открывалось; и долго еще не умел ничего я сказать: подбирал выражения; выраженья — любимые книги <...> Надо было: читать и читать; <...> из всех выражений и сплавов отлить совершенное слово, в котором я мог бы отчасти лишь выразить истину происшествия, перевернувшего всё: *возвращение первых сознательных мигов, как мигов воспоминания о до-рожденной действительности* (ВСЧ <XI>, 32).

В противоположность событиям духовного плана Белый невысоко ценит факты своей «внешней» биографии. Более того, он выступает против «общепринятого» восприятия мира, которое, как он подчеркивает, детерминировано теми установками, которые с детства навязывает индивиду общество. Истинная реальность отличается от той, которую диктует коллективное сознание¹³:

Я им [взрослым] никогда не сказал о событии жизни моей, мне открытом, как память <...> Лишь позднее, теперь <...> я знаю, что все объяснения жизни, которыми жил я так долго, есть мёртвая кожа действительных объяснений <...> Привычка оценивать мир, вывода все события мира из ложных причин, называемых ложно научными, —

¹² Ср. Макс Фриш. «Назову себя Гантенбайн»: «Человек что-то испытал, теперь он ищет историю того, что испытал».

¹³ О схожем понимании конвенциональной реальности как упрощения и конструкта у Ницше и Бергсона см.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 797–808; *Петров В.В.* Индивид и его телесность в истории европейской философии // Тема «живого тела» в истории философии / Отв. ред. И.И. Блауберг. М., СПб., 2016. С. 17–20.

дурная привычка; и она-то внушает нам мысль: в переживаньях младенческих лет видеть смутные переживания идиота; вместо того, чтоб помочь нам расчистить дорогу к воспоминаниям о подлинном начале сознания нашего в дороженной действительности (ВСЧ VII, 24).

Быт всей жизни, <вы>текающие отсюда последствия <...> — еще мне не понятны; <...> да, я знаю: привычки и навыки, воспитание, груды фальшивых, прочитанных некогда книг автоматически заставляют меня называть обстающие происшествия вытверженными и неверными именами (ВСЧ, XVII).

Эти же (извне навязанные) представления заставляют людей считать *автобиографией* то, что таковой не является. Здесь Белый противопоставляет внешнюю канву жизни духовному бытию:

Наученный ложью, <...> привыкаю себя я считать не пришельцем из милой страны <...> [а] подчиненным рабом; <...> события «*биографической жизни мой*» — становятся мне моей жизнью. Внутри же себя ощущаю я редко толчки: пробуждения, припоминания о забытом, о старом; <...> от них осыпается все, чему учат меня <...> Толчки моей жизни <...> образуют иную зависимость: так же точно нам **цель** образует и средства свои; **она — в будущем; в настоящем — даны ее средства** (ВСЧ VII, 25).

Биографию в общеупотребительном смысле Белый отвергает. История его «Я» выходит далеко за пределы обоих концов отрезка физической жизни — в космические пространства до и после земного рождения, границы которого кажутся непроницаемыми только зашоренному восприятию:

[Не принимаю биографию], меня рисующ<ую> ребенком, потом гимназистом, студентом, потом литератором, и выводящую художественные искания моих книг из характера матери, а умственные из устремлений научных отца <...> **Моя биография мне начинается прочно: с переживания космических сфер и пейзажей потусторонней действительности**, одушевлявшей года детской жизни; а те постепенные навыки и приобретения рассудка, которыми создаем мы **искусственно перспективу «биографических» восприятий** — насильственно усвоенное косоглазие, т.е. нечто, уподобляемое привычке, столь свойственной гимназистам: грызть ногти; или — жевать каучук (ВСЧ XV).

«Второй», т.е. вторичной, биографией Белый считает не только жизнеописание внешних происшествий и событий, но даже события обыденного душевного плана (не знающие вторжений из высших сфер

самосознающего духа). Эти редкие и краткие «миги» вторжения духа (иной реальности) не поддаются словесному описанию. Те, кто не переживал подобных духовных миггов, никогда не поднимались выше уровня тела:

Я не стану описывать здесь **второй биографии**: <...> родился, состарился, умер; ел, пил, увлекался; и — написав толстый том, стал известным в литературных кругах; в этой внешней, **второй биографии** есть опять-таки два отдельных <...> мира; мир внешний, определяемый присутствием или отсутствием насморка; и — мир внутренний, определяемый душевными импульсами, интересами, симпатиями <...>; по отношению к этому-то второму, душевному миру господствует убеждение, что он есть сокровенное человеческой личности; и вот странно сказать: я в себе отрицаю тот мир; <...> вижу: эфемерную несущественность [его].

Мир душевный, иль «внутренний», обыкновенной биографической личности определяется прежде всего: количеством и качеством потребляемой пищи; и во-вторых: теми редкими, молниеносными **мигами**, присутствие которых никак вы **не вскрыете словом, событием** биографической жизни. Эти **миги** <...> нам кажутся чем-то, напоминающим событие, происходящее в мысли; <...> события, вкрапленные в мир душевный, откуда-то сверху являются абстрактными точками; действие этих «точек» вы начинаете понимать лишь с годами <...> Сфера души есть зависимая переменная *тела* и *духа*; но *дух* действует редко (молниеносными мигами); есть, уверен я, люди, дожившие до седин и не имевшие ни разу духовного мига в сознании; по отношению этих людей <...> могу твердо высказать: они — тело; душевная пульсация их <...> не бывает пронизана духом; и тело всегда побеждает (ВСЧ XIII, 40).

Белый констатирует, что темы, которыми он владеет профессионально и с которыми его ассоциируют люди, не отвечают его сущностной самоидентификации. От него ждут рассуждений на темы культуры, о «проблемах истории, философии стиля, иль мистики», полагают, что его должны занимать «философия и психология творчества, поэтический ритм, словесная инструментовка, история и теория символизма». Он известен как романист и поэт. По его собственному мнению, в числе его потенциальных профессий могли быть драматургия и естественные науки (биология и химия), но «настоящих» профессий он бежит, объявляет их случайными, выпавшими ему в силу стечения обстоятельств. Ведь был он, по воле случая, резчиком по дереву в Дорнахе и даже играл на турецком барабане, в чем мог бы выразить свою душу «не хуже, чем в повести». Белый использует знаменательную оговорку — «будто

бы»¹⁴: «печатаю книги и заседаю в комиссиях, *будто бы* я — литератор, и *будто бы* литература моя — моя “точка”». Здесь предвосхищаются виртуальные роли и маски, подробно описываемые в литературе много позже (ср. «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, 1964). Но если уж говорить об искусстве, то, полагает Белый, его подлинное назначение и призвание еще не было им нашупано: в душе его звучат ненаписанные сонаты, живут несозданные живописные полотна.

Белый констатирует, что так и не смог «вскрыть своей подлинной точки». Литературная и профессиональная личина и роль подчинили себе Бориса Бугаева, «тень» поработила человека: «я — стал фикцией, оклеветанной литературною тенью». Белый недоволен таким положением: «Моя жизнь постепенно мне стала писательским материалом»¹⁵. Он хочет отбросить «литературщину» в пользу простоты, «писать, как сапожник»: «Где твоя священная точка? <...> Разорви свою фразу: пиши, как... сапожник. Пишу, как сапожник. О чем пишу? Не понимаю еще». Главное желание Белого — рассказать о произошедшем в его сознании и душе духовном потрясении и перевороте, передать ощущение шока, пережитого экзистенциального кризиса: «Пишу о священном мгновении, перевернувшем навеки все прежние представления о жизни; как будто бы бомба упала в меня; моя прежняя личность — разорвана»¹⁶. Для этого нужен новый язык. Стопы прочитанных книг предоставили ему некогда наработанный язык описания мира и своего существования в нем. В новых реалиях старый язык и старый буквенный шрифт утратили связность и осмысленность. Если прежняя действительность считывалась, как текст, то теперь гранки рассыпаны: «шрифт, при помощи которого я читал книгу жизни, рассыпан... россыпь шрифтов свела с ума Ницше... Я — с ума не сойду»¹⁷. Белый уверен, что ему удастся не сойти с ума, но распознать и прочесть новые письма — «напечатленные событий духовных на жизнь».

Белый свидетельствует: экзистенциальное потрясение «перевернуло во мне представления об истинах жизни». Новый опыт сделал невозможным следование прежним условностям: «устой обычной действительности для меня — ерунда». Напротив, устойчивости грядущего проступают в фантазмагорическом обличье: «как ряд парадоксов, нелепиц, невероятнейших совпадений и — удивительных случаев, которыми осыпает

¹⁴ Ср. трактат «Философия “Как если бы”» (Philosophie des Als Ob, Berlin, 1911) Ганса Файхингера.

¹⁵ *Белый А.* «Я»: Эпопея. Т. 1: Записки чудака. Ч. 1: Возвращение на Родину // Записки мечтателей. Пб., 1919. № 1. С. 40.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 41.

судьба». Белый заявляет о намерении разорвать узы условностей, чтобы предстать перед окружающими в своем подлинном облике:

Отлагался во мне просто дьявольский план: свергнув «тень», появиться пред н и м и в своем собственном» человеческом виде, и удивить их собрание «непочтенностью» своих стремлений, манер, вкусов, стилей, увы, нарушающих традиционное одеяние «*Ледяного*»¹⁸.

Белый признает, что, порывая с условностями поведения, он вначале не мог найти для этого должных форм — «крайняя мера сперва приняла искривленные формы»: он ввязывался в полемику «самого низкого сорта», «его видели пьяным». Он мог так и застрять в этой фазе, но тут в жизнь его вошла антропософия, с появлением которой «Леонид Ледяной» — его «писательская личина» и внешнее «я», возмнившее себя реальностью, имеющей объем и независимое существование, — вернулся из «трехмерного состоянья в двухмерное, как подобает приличной и незабывшей себя плоской тени». Ценность его литературного двойника немедленно девальвировалась и для окружающих: «“*Леонид Ледяной*” <...> был объявлен предавшимся бредням и истощившим свое дарование». Сам же Белый сумел разглядеть в своей экзистенции подлинное «я»: «“точка” моя, до которой коснуться не мог я; во мне, человеке, родился теперь Человек», «я — стал “Я” (с большой буквы)»¹⁹.

В контексте рассуждений о самореализации Белый рассуждает о соотношении возможного и осуществленного: «потенциально “я” — всё, и активно — ничто». Это напоминает «миры возможного» Вяч. Иванова и Жиля Делёза (когда Делёз пишет о Лейбнице). Белый замечает:

я не раз с удивлением останавливался перед какою-то точкой в душе, и наблюдал, как из этой нескрывшейся точки души, точно молнии, мне блистали возможности быть, чем угодно; возможности многообразнейших жизней вставали во мне²⁰.

Таким образом, Белый притязает на то, чтобы проигрывать иные событийные ветки, не реализованные им в жизни: «осуществленная моя жизнь — жизнь писателя — лишь одна из возможностей, такая же, как другие». Писательством Белый не дорожит. Про-живание и пере-живание внутреннего и духовного, *le vécu* («пережитое», как будет это именоваться французский экзистенциализм в лице Мерло-Понти) для Белого

¹⁸ Там же. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 47.

²⁰ Там же. С. 45.

много важнее: «мельчайшие события моей человеческой личности отвлекли надолго меня от долга <...> Годá я провел, не напечатавши ни единого тома, над решением личных задач»²¹. Белый обещает «убрать стилистику» и «писать, как сапожник». В духе Ницше он обещает: «я ухожу от вас — пышные, сильные и богатые мертвецы обреченной на гибель действительности, к новорожденным побегам грядущей Весны» (ср. притчу про гадких утят из его «Весенних мыслей»).

Иногда рассуждения Белого практически неотличимы от таковых у неоплатоников. Например, место, из которого приходит душа, он именуется «родиной», а момент отрывания души от телесного мира уподобляет смерти. Здесь же он повторяет, что как история тела, так и история души равно относятся к «внешнему». «Внутренним» могут считаться только прорывы к духу — серия кратких мигнов, озаряющих человеческую жизнь. При этом не тело и не душа должны выйти в сферу духа, но стоящее за ними «нечто», которое представляет собой нашу «самость»²²:

Обыкновенно тот «внутренний мир», о котором так много имеют сказать психологи замечательных личностей, не есть «внутренний мир», но — его порождение, не подчиненное **родине** и потому, с неизбежною силою, подчиняющееся чувственно-телесным аффектам; так **«внешний» и «внутренний» мир биографий — мир внешний**, иль кожа, облекающее **нечто**, не поддающееся учету; это нечто в нас должно вырвать душу из тела и подчинить ее духу; момент отрыванья души от телесного мира сопровождается столь трагичными обстоятельствами внешней жизни, что очень многие, переживающие естественный духовный процесс, уподобляемы **умирающим: просветление души в его первой инстанции и есть подлинно смерть**; <...> в этой стадии развития подлинно *внутреннего*; <...> оно — беззаконнейшая комета, не открываемая телескопами обыкновенных исследователей (ВСЧ XIII, 40).

Начиная с упоминания «нечто», в «Воспоминания странного человека» входят темы Ницше, мотивы из текстов которого появляются в нескольких следующих главках. Человеческое существование представляется Белому полем борьбы тела и духа. Здесь примечательно замечание (навеянное Ницше и хорошо приложимое к греческой трагедии), что «герой» — это «всегда только тело», тогда как «дух» проявляется как

²¹ Там же. С. 46.

²² Уже Шопенгауэр понимал волю как неизменность, «на которой зиждется само тело вместе с сознанием», как «нечто», которое не есть ни тело, ни сознание, но их подоснова. Ницше трансформировал шопенгауэровское «нечто» в «самость», которую отождествил с телесностью (подробнее см.: *Петров В.В.* Индивид и его телесность в истории европейской философии. С. 28, 32–33).

«рок». Победа рока означает смерть «тела», но для избранных она же оказывается «вторым», духовным рождением, началом «пути посвящения»:

Душа схвачена, как клещами, и телом, и духом; если тело господствует, то и трагедии нет; благополучием жизни отмечено существование личности; если дух в человеке сильнее, не уступает он телу; борьба между телом и духом переживается ростом душевных трагедий: «трагическим мирозерцанием личности»: борьбой Героя и рока; «Герой» есть всегда только тело²³, а рок — это неузнанный дух; при победе «рока» над личностью наступает иль смерть, иль подлинное **рождение духа** в сознание человека: **второе рождение**; <...> и только у очень немногих *рождение* лишь начало вступления в жизнь (не в какую-либо потустороннюю жизнь: в *эту* жизнь); дух-младенец становится: *отроком, юношей, мужем*. То — **путь посвящения** (ВСЧ XIII, 40).

При этом сами «миги духовного мира» не тождественны «второму рождению». Они суть толчки и сотрясения, которые предваряют второе рождение, пробуждая в человеке его духовную «самость»:

«Молниеносные миги духовного мира» <...> далеки от **второго рождения**, напоминая движенье зародыша в материнской утробе. Обыкновенно духовная жизнь [находится] **за порогом сознания**, нам данного; ее вздрагиванье одинаково «внутренне» по отношению как к душевному, так и телесному миру; проявляется она, как «**Само**», **о котором Ницше сказал, что «оно» и есть тело**²⁴; но Ницше ошибся: он прав, полемизируя со всякой душевностью: «Само-» Сердца <?> (иль «Самодух») внедушевно; вероятно, многие «душевные» люди движенье зародыша или «Само» в своем внутреннем мире отметят как приближение сумасшествия иль болезни (ВСЧ XIII, 40).

²³ Примечательно, что в том же номере «Записок мечтателей» (1919. № 1), в котором опубликована первая часть эпопеи «Я», напечатано эссе Вяч. Иванова «Кручи» (С. 101–116), вторая часть которого озаглавлена «Борьба за тело героя». Названия главок «Круч» — «Вихри», «Кризис явления», «Кризис искусства» — перекликаются с названиями и темами работ Белого того периода.

²⁴ «За твоими мыслями и чувствами <...> стоит <...> Самость. В твоём теле живёт он; твоё тело есть он. Больше разума в твоём теле, чем во всей твоей мудрости. <...> Самость смеётся над твоим Я и его гордыми скачками» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра (1881) // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 2007. С. 34–35). Ср.: «...в нас есть нечто такое, что <...> пребывает неизменным. <...> Это не сознание, как и не тело, в котором очевидно пребывает сознание. Это скорее то, на чем зиждётся само тело вместе с сознанием, т.е. именно то, что, попадая в поле сознания, предстает как воля» (*Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 2011. С. 414).

Переживание своей принадлежности стране, в которой «Я» обитало прежде рождения в этом мире, является основой «первого мига самосознания». Это **припоминание**, трактуемое как платоновский ἀνάμνησις, Белый сравнивает с другим «мигом», порожденным первым чтением «Упанишад» в переводе Веры Джонстон (ВСЧ IX, 26)²⁵. Потрясение, испытанное от открывшейся индийской мудрости названо «вторым мигом» пробуждения (ВСЧ X, 31).

Весьма подробно мистическая сущность священных мигов описана Белым применительно к экстатическим состояниям, переживавшимся в Серебряном Колодезе:

Останавливаюсь не случайно я на описании этого места; оно мне таинственно связано со **вторую** моей биографией; в продолжение семи лет (от 1899 до 1906 года) то место мне было источником моих знаний о «сокровеннейшем». Здесь научился я всем подступам к духовной науки <...> Здесь был Заратустрою я; между мною и Ницше установились тесные связи <...> Здесь, сам с собой, исходил я, играя с Возлюбленной Вечностью, странными жестами (вы сказали бы, *символическими*) <...> Что делал я во ржи, было строгою тайною; бессознательно «это» был оккультизм моей жизни <...> Жизнь, расступаясь, обнаруживала свою глубину, как бы некий колодезь, в котором «Я» личного не было; мне казалось, что в том месте, где был «я», — теперь было небо <...> Топольки лепетали <...>: «Нет ни общего, ни частного: нет тебя, но и нет ничего, что не “ты”; “Ты = Не ты”, “Ты — Еси”: Ты — возлюбленн<ый> мировой; мировая история заострилась в тебе; это ты ее конус. Ты — Всё; Ты и ветер, и травы, и месяц, и мысли о мире, и мир». Провиденциальный смысл моей личности приподымался какою-то роковою нерассказанной тайной: я — плакал от радости, нежности; одновременно — от ужаса перед тем, что «Единственный» я <...> Казалось мне, что <...> от действий моих в этот миг, <...> зависят всемирные судьбы истории; <...> обливаясь слезами восторга и нежности, [падал] я под топольком над канавою, лобызая травы, цветы и говоря: «Да не будет во имя мое». <...> Переживанием этим обыкновенно мне разрешались переживания о провиденциальности моей личности; я впоследствии понял, что “Ессе homo” написан был Фридрихом Ницше, как нечто действительно происходящее в душах людей, покидающих обычную почву <...> (Я впоследствии, на могиле у Фридриха Ницше²⁶,

²⁵ Джонстон В. Отрывки из Упанишад // Вопросы философии и психологии. 1896, № 1. С. 1–34.

²⁶ «Когда я склонил колени перед могилой его [Ницше], <...> я — вышел из истории в над-историческое <...> Я почувствовал, что <...> история — кончилась; кончились ее понятные времена; мы проросли в непонятное; и стоим у грани колоссальнейших, политических и космических переворотов, долженствующих в 30-х

<...> переживал по-новому эти старинные **миги**: то было под Лейпцигом; здесь, под Лейпцигом, **объясненно** прошли предо мной стародавние «*миги*», пережитые мной в Тульской губернии). В **переживании** «слез» умягчался **экстаз** (иль **мгновения** «**Вечной Гармонии**» **одного из героев «Бесов»**); и я проходил как бы сквозь *врата*, отделявшие мое «я» от «*законечного*» царства покоя (ВСЧ <XIV>, 41).

Типологически указанные переживания совпадают с тем, что зафиксировано в дневниковой и художественной литературе второй половины XIX — начала XX в. Подобный личностный опыт именуется по-разному: в переписке и полемике Романа Роллана и Зигмунда Фрейда, а также у Карла Юнга и Пьера Адо он зовется «океаническим чувством»; индолог Мишель Юлен именует его «дикой мистикой», которая понимается как мистические переживания, не «отформатированные» догматически и конфессионально; Абрахам Маслоу (1908–1970) называет это «пиковыми переживаниями» — термином, который вошел в вокабуляр трансперсональной психологии²⁷.

В ВСЧ (но не в «Записках чудака») понятно, что, упоминая о мгновениях «Вечной Гармонии», Белый имеет в виду фрагмент из романа «Бесы», в котором устами Кириллова Достоевский, скорее всего, описывает собственные экстатические переживания перед эпилептическим припадком:

[Кириллов:] — Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг **ощущаете всю природу** и вдруг говорите: да, это правда. Бог,

годах завершиться Вторым Пришествием, которое уже началось в индивидуальных сознаниях отдельных людей (и в моем сознании); в ту минуту, когда я стоял перед гробницей Ницше, молниеносно пронесся во мне ряд мыслей, позднее легших в мои четыре кризиса («*Кризис Жизни*», «*Кризис Мысли*», «*Кризис Культуры*» и «*Кризис Сознания*»); я сам в эту минуту был своим собственным кризисом, ибо конечно, разрушена моя былая жизнь, ее прежние интересы; и вот — я не знаю: чем буду завтра. <...> Посещение гробницы Ницше есть *sui generis* обряд в днях моего посвящения <...> Помнится мне на возвратном пути от могилы огромное, красное, закатывающееся солнце; и опять прозвучало: «<...> История кончилась!»» (*Белый А. Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М., 2016. С. 148–149*).

²⁷ См.: *Петров В.В.* «Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях // *Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М., 2015. С. 191–248.*

когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически. Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как ангелы божи. <...>

[Шатов:] — Мне один epileptik подробно описывал это предварительное ощущение пред припадком, точь-в-точь как вы; пять секунд и он назначал и говорил, что более нельзя вынести. Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своем рай. Кувшин — это те же пять секунд; слишком напоминает вашу гармонию, а Магомет был epileptik. Берегитесь, Кириллов, падучая!²⁸

Чрезвычайно интересно, что Белый ссылается на этот фрагмент в контексте своих рассуждений о Ницше. Дело в том, что Ницше, который читал «Бесов» (1871–72) во французском переводе, в своих черновых набросках 1887–88 г. цитирует именно эти строки²⁹. (Белому о содержании рабочих записок Ницше, разумеется, не было известно.) Как и Белый, Ницше пережил мистическое озарение, наступившее его в горах Зильс-Мари, где в августе 1881 г. ему открылось знаменитое учение о вечном возвращении. Ницше отдает себе отчет, что пережитое озарение инициировано воздействием на него дикой природы: «Я всегда поражаюсь, находясь на природе, с какой великолепной определенностью всё действует на нас, лес по-своему и гора по-своему, и в нас нет ни смятения, ни невнимательности, ни неуверенности, когда мы это воспринимаем»³⁰. Ницше хорошо сознавал экзистенциальное воздействие природы на человеческий дух, подчеркивая, что, соединяясь с природой, человек *бессознательно* ощущает метафизическое единство всех вещей, покой, вечное постоянство природы, а также «необходимость»³¹. Отнюдь не случайно, что в выписанных Ниц-

²⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 450–451.

²⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 13 / Пер. с нем. В.М. Бакусева и А.В. Гарраджи. М., 2006. С. 137, 617; Петров В.В. Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 793.

³⁰ Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9 / Пер. с нем. А.А. Карельского и др. М., 2013. С. 497.

³¹ Ср.: «Если вы хотите вести молодого человека по правильному образовательному пути, то остерегайтесь нарушать его наивное, доверчивое, личное и непосредственное отношение к природе, пусть и лес, и скалы, и буря, и коршун, каждый отдельный цветок и мотылек, и лужайка, и горный склон разговаривают с ним на своем языке:

ше строках из Достоевского сказано, что в моменты эстатической интенсификации бытия, превышающего возможности обычного человеческого существования, человек «входит в соприкосновение со всей природой», со всецелым Божиим творением. Видимо, Ницше понимал и разделял это ощущение Достоевского. Те же чувства испытывал и Белый: экстазы, переживавшиеся им в Серебряном Колодезе, были вызваны воздействием природных и ландшафтных факторов. Не случайно Белый неоднократно говорит о *границе*, которую маркировал ряд топольков, отделявших обжитой, замкнутый, вовлеченный в «исторический процесс» участок имения от бескрайних просторов и ширей «внеисторических» полей и плато. На этой границе Белый подолгу простаивал, вглядываясь «отсюда — туда», ее он пересекал в обе стороны, и эти переходы были значимы для его души и сознания (ВСЧ <XIV>, 41). Именно там его мистические переживания достигали особой силы:

По себе знаю я, что в душе человеческой этот миг, разрывающий всё, может явно сказаться <...>: то страхом утери сознания <...>, то восторгом полета <...>; первое переживают ученые; <...> второе переживают все мистики. Те и эти переживают неполно значение странного «мига» (ВСЧ VIII, 25).

Переживания летних закатов во мне отливались: в определенный чин службы; она начиналась с *игры*, продолжалась символиккой странных жестов, ведущих к экстазу; но я проходил сквозь экстаз — в *за-экстатное* состояние радости, что *возлюблен* я кем-то. Кто был этот *Он*, кто был *Я*, им возлюбленный, я не знал: но я знал, что биография моей жизни есть сон, и что «*Я*» — нерожденный от матери. Так продолжались мои полевые вечерние службы в 1901-м и в 1902 году (ВСЧ <XIV>, 41).

Фиксация подобных состояний представляет объективные трудности. Глубина и интенсивность пережитого не может быть адекватно передана средствами обычного нарратива. Белый отдает себе отчет в том, что истина, которую он хочет сообщить окружающим, лежит «вне писательской сферы». Он замечает, что «коснуться» этой истины можно только одним способом: «выбросить из себя *в виде повести* этот странный *дневник моего состоянья сознания*», которое невозможно ото-

в них, как в бесчисленных разбросанных отблесках и отражениях, в пестром потоке сменяющихся явлений, пусть узнает он себя. Таким образом он бессознательно ощутит метафизическое единство всех вещей на великом примере природы и в то же время обретет успокоение перед лицом ее вечного постоянства и необходимости» (*Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: В 13 т. 1/2 / Пер. В. Бакусева, В. Неужиной, И. Эбаноидзе и др. М., 2013. С. 401).

бразить обычными средствами писательской техники³². У «дневника» экзистенциальное назначение: «сорвать маску с себя, как с писателя; и — рассказать о себе, человеке, однажды навеки потрясенном»³³. Разумеется, перед нами не «дневник» в его обычном понимании. Текст ВСЧ / эпопеи «Я» / ЗЧ создавался в 1918 — начале 1919 гг., но посвящен событиям 1916 г. (с захватом узловых моментов, начиная с 1901 г.). Таким образом, это не дневник в буквальном понимании, т.е. последовательность записей, которые добавляются в календарном порядке и фиксируют события прошедшего дня. Не является текст и привычным мемуарами, поскольку о событиях, случившихся в физическом мире, в нем рассказывается наравне с «состояниями сознания» автора — мистическими переживаниями, галлюцинациями, фобиями, невротами и т.д.

Жанровая неопределенность находит соответствие в авторской практике Белого. Подчас он описывает одно и то же событие дважды: то в виде мемуарной записи, то трансформируя автобиографический опыт в художественный сюжет. Например, духовные переживания Белого в Серебряном Колодезе предстают то в художественной форме во второй и третьей «Симфониях», то в виде мемуарно-исповедальных записей в «Записках странного человека» (они же вошли в эпопею «Я» и «Записки чудака»), а также в воспоминаниях «Начало века». Некоторые автобиографические сюжеты сначала появляются в художественной прозе и лишь позднее, задним числом описаны в интимных дневниках как произошедшие с самим автором. Такова сцена со сновидческим посвящением и бессознательным совершением некоего гадкого поступка из романа «Петербург» (сцена явления Дудкину Шишнарфн³⁴), потом

³² Существо подхода Белый определяет предельно ясно: «описываю материалы сознания» (*Белый А. «Я»*. Эпопея. С. 42).

³³ *Белый А. «Я»*. Эпопея. С. 40.

³⁴ См.: «Александр Иванович видел (не то в сне, не то в засыпании), как его помчали чрез неопишное, что можно бы назвать всего проще междупланетным пространством (но что не было им): помчали для свершения некоего, там обыденного, но с точки зрения нашей все же гнусного акта; несомненно это было во сне (между нами — что сон?), но во сне безобразном, повлиявшем на прекращение проповеди; во всем этом самое неприятное было то, что Александр Иванович не помнил, совершил ли он акт, или нет; этот сон впоследствии Александр Иванович отметил, как начало болезни» (*Белый А. Петербург*. Пг., 1916. С. 81–82). Ср.: «С 28-го [декабря 1913] начинается Лейпцигский курс <...> я переживаю каждую лекцию не лекцией, а посвящением в тайны <...> В один из этих дней <...> я видел — не знаю что: сон или продолжение вечерней медитации; <...> появился д-р <...>; он схватил меня и повлек через ряд комнат (это было как бы не во сне); тут наступил перерыв сознания, от которого я очнулся тотчас же; и застал себя как бы перед круглым столом (не то аналоем); на столе-аналое стояла чаша; и я понял, что это — Грааль <...> Доктор отчетливо спросил меня: “Так вы согласны идти на это?” И я застал себя отвечающим: “Да, согласен!” И тут мелькнуло мне, что я отвечаю на какой-то вопрос, связанный с роковою тайною миссии, мне предназначенной; мне показалось, что я отдал свою жизнь делу доктора <...>; я понял, что я, или мое бодрственное “я” во-

воспроизведенная в виде мемуарной записи в «Материале к биографии» (в этом случае оказывается, что она произошла с самим Белым, а посвятителем был Р. Штейнер)³⁵.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что *дневник сознания* выстроен Белым как история душевных переживаний в кризисный для автора 1916 г. и рассказ о важнейших моментах предшествующих лет, предварявших и задававших, по мнению Белого, специфику состояний его сознания в 1916-м. Таким образом, перед нами не просто биографический нарратив, но и рефлексия относительно этапных моментов истории своей духовной жизни, попытки выстроить и конституировать свое «Я» (схожим образом Пастернак определит книгу как «кубический кусок дымящейся совести»). Белый сознает что текст, который он предлагает читателю, не укладывается в привычный формат и жанры:

Чувствую недоумение читателя; и — подозрительный взгляд, на себя устремленный; главное: не могу ничего возразить: — «Что же это такое вы нам предлагаете?.. Это — ни повесть, ни даже дневник, а какие-то друг с другом не связанные кусочки воспоминаний: и — перепрыги». Всё так... (ВСЧ II, 18^а).

Тем не менее потребность быть понятым диктует необходимость изложения мистического опыта на языке общепонятном, для подобных целей не предназначенном, — в традиционных прозаических формах и жанрах. Это приводит к существенным потерям:

Топика <?> стилия обыкновенно обстругивает «событие внутренней важности»; и от него попадает в сюжет лишь случайный клочок <...> Великие драмы Софокла были вынесены из мистерий; их же центр — «события внутренней важности», происшедшие с потрясенной душой. Но история драмы показывает, как членится первоначальная драма, выветривая сокровенные смыслы свои, и порождая пошлейшие фарсы;

прос д-ра проспало, но высшее “Я” дало положительный ответ. <...> Тут я проснулся: вернее очнулся; и спросил себя: “Что это было? Был ли это сон?” Мне стало ясно: нет, не сон, а подлинное посвящение. <...> Сколько раз потом меня тревожило: “Твое высшее “Я” дало высшему “Я” доктора клятвенный обет: послужить какому-то делу; <...> а ты — проспал твою клятву; и не знаешь, чему ты поклялся <...> Разумеется, я эти странные, невероятные переживания скрыл от всех; но я вернулся с лекции с сознанием, что Св. Дух зачат в моем ветхом “я”; теперь это ветхое “я” будет распадаться, и меня постигнет какая-то странная, священная болезнь» (*Белый А. Материал к биографии. С. 144–146*). Ср.: «Многие “душевные” люди движение зародыша или “Само” в своем внутреннем мире отмечают, как приближение сумасшествия или болезни» (ВСЧ XIII, 40).

³⁵ См.: *Петров В.В.* “Революция сознания” в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // *Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы* / Отв. ред. В.В. Полонский. М., 2017. С. 69–70.

история развития театра от священной трагедии до оперетки. [Точно так же по нисходящей развивается — В.П.] история развития любого романа в душе у писателя; если нет у писателя той таинственной точки, откуда, как пар, поднимается лучеиспускание мифа, то он не писатель (ВСЧ XVI).

Автор всегда заключен между Сциллой желания поведать о своем внутреннем душевном опыте (который принципиально неразгласим) и Харибдой подчинения драматургическим законам писательского ремесла:

Если же он закрепит не сюжет, а самую точку рождения в нем сюжета, произвольно положенную в основу сюжета, <...> перед читателем пробегут лишь одни «негодные средства»: обрывки, намеки, потуги, искания; ни отточенной фразы, ни цельности образа не ищите вы в них; косноязычие отпечатается на страницах его дневника; нас займут не предметы живописания, а выражение авторского лица (ВСЧ XVI).

Поскольку прежнее бытие разрушено, Белый признается, что теперь он сам конструирует свою действительность: «я образую действительность в месте, разрушенном взрывами»³⁶. Тем не менее автор дважды оговаривается, что его текст — лишь заготовки для чего-то, еще не очевидного, только леса для постройки, но не сама постройка: «в дневнике своем я предлагаю вниманию “леса для постройки”; “постройки” (романа или повести) нет в нем»³⁷.

Как сказано выше, Белый пытается самоидентифицироваться, на его языке — сделать душу «самосознающей», а это возможно только при посредстве саморефлексии, взгляде на себя со стороны. Поэтому он записывает всё с собой происходящее. Но действительность для него — мистика и духовидца — не ограничивается бытовыми происшествиями. Не менее значимы феномены его духа, эмоциональные состояния, которые, хочешь не хочешь, могут быть схвачены только в виде художественных образов, которые нужно потом истолковать. Так рождаются фантазмагорические, экспрессионистские параграфы эпопеи «Я» (сюжет про шпиков, лондонская главка и пр.). Здесь Белый идет вслед за Гоголем: жизненная правда не укладывается в рамки рационального, эпоха картезианской парадигмы осталась в прошлом.

³⁶ Белый А. «Я». Эпопея. С. 42.

³⁷ Там же.

Белый говорит о том, что отказывается от художественного вымысла подчиненного канонам ремесла в пользу подлинного свидетельства о произошедших с ним духовных событиях: «могу до сих пор обмануть я читателя; и — в прежнем стиле преподнести ему утончения контрапунктов из образов и красиво отделанных фраз; но ничего не узнает о подлинно бывшем со мною из этих художественных изделий»³⁸. Но поскольку истина, которую Белый хочет сообщить окружающим, лежит «вне писательской сферы», коснуться ее можно только одним способом: «выбросить из себя *в виде повести* этот странный *дневник моего состояния сознания*», которое невозможно отобразить обычными средствами писательской техники. Понимая это, Белый признает, что вместо «здания повести» предлагает читателю «новизну повести», а вместо искусного «ритма слов» выносит на всеобщее обозрение «кочки моей собственной жизни, которая взорвана». И пусть совершаемый им переход от литератора к «человеку» будет воспринят как профессиональная деградация — для Белого важна не профессиональная, но экзистенциальная составляющая, важнее быть «человеком», чем литератором: «пусть я обыденнейший человек; да, но я — человек; профессиональные литераторы, — часто не люди мы». Размышляя о своем предназначении, Белый приходит к выводу, что самое важное в нем — «человек» как живое и творческое начало, которое самим своим бытием позволяет ему проявлять себя в самых разных профессиях, а в пределе выводит за рамки какой-либо одной из них, указывая на свой исток — «Человека» с большой буквы, Одного и Единственного:

«Человека» в себе ощущал я той точкою, из которой порою блистали многообразия человеческих жизней моих (лишь случайно избрал я одну); ощущал я в себе столкновение многих людей; многоголосая стая — мои двойники, тройники! — перекричала во мне специальность поэта, писателя, теоретика; искал я гармонии неосуществленных возможностей; и приходил к представлению «человека», которого нет в человеке; мы все «человеки» (лишь с маленькой буквы) — футляры Его, Одного³⁹.

В обозначенной перспективе намеренного выхода за пределы конечного и ограниченного становятся малозначимыми жанровые формы и каноны, традиционно соотносимые с актами автобиографического письма. В период работы над редакциями сочинения, публиковавшегося под заглавиями «Воспоминания странного человека, Андрея Белого» /

³⁸ Там же. С. 42.

³⁹ Там же.

«“Я”. Эпопея» / «Записки чудака», их автор считал важным не форму, но самовыражение, ощущал необходимость в самоидентификации, потребность в преодолении личностной драмы, в выговаривании, объективации и, стало быть, вытеснении пережитого травматического опыта из плана экзистенциальных переживаний в план языковых актов, манифестирующих невербализуемое, потребность в творческом пересоздании и переопределении себя на новых основаниях⁴⁰. Задачам подобных творческих усилий не могли соответствовать формы традиционного нарратива. Тем не менее, как теперь понятно, результирующий текст — нарушающий все каноны, пропитанный болью, исповедальный, фантазмагоричный — вполне выполнил задачи, которые ставил перед собой Андрей Белый.

Литература

Белый А. Материал к биографии // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М.Л. Спивак; отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев. М.: Наука, 2016. С. 29–328.

Белый А. Воспоминания странного человека / Примеч. и публ. А.В. Лаврова // Миры Андрея Белого / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак, сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград, М., 2011. С. I–LXII.

Вордсворт У. Прелюдия, или Становление сознания поэта. 1805 / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т. Стамова. М.: Наука, Ладомир, 2017. 1032 с. (Литературные памятники).

Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 29–103.

Петров В.В. Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 56–75.

Петров В.В. Индивид и его телесность в истории европейской философии // Тема «живого тела» в истории философии / Отв. ред. И.И. Блауберг. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 11–42.

Петров В.В. «Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 191–248.

Петров В.В. «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialectica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 23–54. (Europa Orientalis; 29).

⁴⁰ Схожие задачи решали тексты Ницше, см.: *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение. С. 836–837.

Петров В.В. «Революция сознания» в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 56–76.

Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–61.

Петров В.В. Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 773–879.

Bishop J. Wordsworth and the “Spots of Time” // *English Literary History*. 1959. Vol. 26. № 1. P. 45–46.

Davis J.P. “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge // *Colby Quarterly*. 1992. Vol. 28. № 2. P. 65–84.

Nichols A. The revolutionary “I”: Wordsworth and the politics of self-presentation. London: Macmillan Press Ltd., 1998. 187 с.

Stoddard E.W. The spots of time: Wordsworth’s semiology of the self // *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*. 1985. Vol. 9. № 2. P. 1–24.

Wheeler H. The Prelude Books I and II by William Wordsworth. London: Macmillan Education, 1988. 96 с.

References

Belyi A. Material k biografii [Biography material]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniky 1930-kh godov* [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], comp. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 29–328. (In Russ.)

Belyi A. Vospominaniia strannogo cheloveka [Recollections of a strange man], notes and publ. by A.V. Lavrov. *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], ed. by K. Ichin, M. Spivak, comp. by I. Delektorskaya, E. Nasedkina. Belgrad, Moscow, 2011, pp. I–LXII. (In Russ.)

Bishop J. Wordsworth and the “Spots of Time”. *English Literary History*, 1959, vol. 26, no. 1, pp. 45–46.

Davis J.P. “The Spots of Time”: Wordsworth’s Poetic Debt to Coleridge. *Colby Quarterly*, 1992, vol. 28, no. 2, pp. 65–84.

Nichols A. *The revolutionary “I”: Wordsworth and the Politics of Self-Presentation*. London, Macmillan Press Ltd., 1998. 187 p.

Perepiska Andreia Belogo i Viacheslava Ivanova (1904–1920) [Correspondence between Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov (1904–1920)], intro., ed. and comment. by N.A. Bogomolov and J. Malmstad. *Russkaia literatura*, 2015, no. 2, pp. 29–103. (In Russ.)

Petrov V.V. Areopagitskii korpus kak intertekstual'nyi proekt [Corpus Areopagiticum as an intertextual project]. *Filosofskii zhurnal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 56–75. (In Russ.)

Petrov V.V. Fridrikh Nitsse i vechnoe vozvrashhenie [Friedrich Nietzsche and the eternal return]. *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* [Measure of things: Human being in the history of European thought], ed. by G.V. Vdovina. Moscow, Akvilon Publ., 2015, pp. 773–879. (In Russ.)

Petrov V.V. Individ i ego telesnost' v istorii evropeiskoi filosofii [The individual and his corporality in the history of European thought]. *Tema "zhivogo tela" v istorii filosofii* [The theme of "living body" in the history of philosophy], ed. by I.I. Blauberg. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016, pp. 11–42. (In Russ.)

Petrov V.V. "Okean bytiia, zhizni i razuma" v filosofskoi, misticheskoj i psikhooanaliticheskoj traditsiiakh ["The ocean of being, life and mind" in philosophical, mystical and psychoanalytic traditions]. *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* [Measure of things: Human being in the history of European thought], ed. by G.V. Vdovina. Moscow, Akvilon Publ., 2015, pp. 191–248. (In Russ.)

Petrov V.V. "Raznotekushchie potoki" v "Sne Melampa" Viacheslava Ivanova: intertekstual'nyi analiz ["Streams flowing different" in Vyacheslav Ivanov's "Melampus' Dream": intertextual analysis]. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin*. Salerno, Edizioni culturali internazionali, 2017, pp. 23–54. (Europa Orientalis; 29). (In Russ.)

Petrov V.V. "Revoliutsiia soznaniia" v rabotakh Andreia Belogo 1917–1919 gg. ["Revolution of consciousness" in Andrei Bely's works of 1917–1919]. *Perelom 1917 goda: revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy* [The breaking point of 1917: Revolutionary context of Russian literature. Studies and materials], ed. by V.V. Polonsky, comp. by V.M. Vvedenskaia, E.V. Glukhova, M.V. Kozmenko. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 56–76. (In Russ.)

Petrov V.V. Teleologija, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh Andreia Belogo, Viach. Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the fourth dimension and the time running backwards in the works of Andrei Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin]. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy. Vyp. 3* [Vyacheslav Ivanov: studies and materials. Iss. 3], comp. by S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 13–61. (In Russ.)

Stoddard E.W. The spots of time: Wordsworth's semiology of the self. *Romanticism Past and Present: An Interdisciplinary Journal*, 1985, vol. 9, no. 2, pp. 1–24.

Wheeler H. *The Prelude Books I and II by William Wordsworth*. London, Macmillan Education, 1988. 96 p.

Wordsworth W. *Preljudiia, ili Stanovlenie soznaniia poeta. 1805* [The Prelude or Growth of a Poet's Mind. 1805], ed. by A.N. Gorbunov, E.V. Haltrin-Halturina, T. Stamova. Moscow, Nauka Publ., Lodomir Publ., 2017. 1032 p. (In Russ.)

“Memories of a Strange Man, Andrei Bely” as a diary of states of consciousness

© 2018, Valery Petroff

Abstract: The article discusses the autobiographical practices of Andrei Bely in the “Memories of a Strange Man” (1918–19) and other publications, later in one form or another included in “Notes of an Eccentric” (1922). It is shown that the works in question differ from “ordinary” autobiographical and memoir texts by the fact that their author deliberately ignores the details of everyday life and focuses on the reconstruction of his spiritual journeys, on tracing and analyzing the ecstatic moments of mystical illuminations that are constitutive for the process of the rise of his self-conscious “I”. At the same time, ego-documents serve as a means of objectifying of “states of consciousness”, repression of traumatic experiences by transferring them from existential plan into speech acts (illocutionary or perlocutionary) that facilitate self-identification, self-reflection and, ultimately, creative recreation of oneself.

Keywords: Andrei Bely, “Memories of a Strange Man, Andrei Bely”, “Notes of an Eccentric”, William Wordsworth, spots of time, Fyodor Dostoevsky, Friedrich Nietzsche, Plato’s anamnesis, peak experience, Abraham Maslow, oceanic feeling, moments of spiritual awakening, teleology, Wilhelm Wundt, Rudolf Steiner, inner and external biography, the actual and the possible, autobiography.

Information about the author: Valery Petroff, Dr.Sc. (in Philosophy), Chief Research Fellow and Director of the Centre for Ancient and Medieval Philosophy and Science at the RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia. E-mail: campas.iph@gmail.com

Citation: Petroff Valery. “Memories of a Strange Man, Andrei Bely” as a diary of states of consciousness. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 210–235.